

Утро.

Прошедшей ночью, похоже, прошёл сильный дождь. В воздухе висела густая влага, тяжёлым грузом давя на гору Фэнлиншань. Лёгкая прохлада, что обычно бывает летним утром, сменилась влажной духотой, словно всё окутали мокрым ватным одеялом, от которого дыхание становилось липким и тяжёлым. Утренний туман ещё не развеялся полностью, серой пеленой окутывая серо-зелёную черепицу храма Юэцзяньгуань и старые деревья во дворе, добавляя этому и без того тихому даосскому храму ещё больше отчуждённости и размытости очертаний.

Чи Сяньчуань сел на жёсткой койке, с заспанными глазами. По привычке он взглянул в окно, но увидел лишь расплывчатую серо-белую пелену. Он слегка нахмурился, словно его раздражал дискомфорт, вызванный этой погодой. Чёрный как смоль кот, у которого только четыре лапы были белоснежными, до этого свернувшийся калачиком на подушке рядом, почувствовав движение, тоже лениво потянулся, грациозно выгнув длинный хвост дугой в воздухе. Он легко спрыгнул с кровати, подошёл к ногам Чи Сяньчуаня и потёрся головой о его колено, издав довольное «мяу».

— Сяо Бай, — голос Чи Сяньчуаня был хриловат со сна. Он нагнулся и подхватил чёрного кота по кличке Сяо Бай на руки, пальцы машинально перебирали его гладкую, лоснящуюся шерсть. Чёрный кот довольно прищурился, и в его горле заурчало.

Чи Сяньчуань, держа кота, смотрел в пустоту, движения пальцев замедлились. Он опустил голову, взглянул на уютно устроившегося в его объятиях зверька и прошептал почти неслышно, будто самому себе:

— Цок, не удалось увильнуть, значит... — Он замолчал, затем почесал пальцем подбородок Сяо Бая. — Сяо Бай, как думаешь, зачем старик настоял, чтобы я приехал в этот Юэцзяньгуань? Сторожить эту развалюху пятнадцать лет... Цок.

Сяо Бай, то ли поняв его недоумение, то ли просто наслаждаясь лаской, ещё сильнее прижался головой к его ладони, урча громче. Чи Сяньчуань, глядя на его беззаботный вид, криво усмехнулся. Он решительно встал с котом на руках, ступая босыми ногами по прохладному полу. Волосы после сна были всклокочены, несколько прядей непокорно торчали в разные стороны, но он не стал их приглаживать, только взлохматил рукой и, прижимая к себе кота, вышел из комнаты.

Как только он открыл дверь, в лицо ударил влажный горячий воздух. Очевидно, дождь всё-таки прошёл: каменные плиты двора были мокрыми, отражая небесный свет, а в низинах у углов стояли небольшие лужицы. Пожилой даос в простом халате, с чуть полноватой фигурой, размеренно подметал воду во дворе большой метлой. Это был Лю Хэшань, один из монахов храма Юэцзяньгуань, помимо Чи Сяньчуаня и Чжао Маньтана.

— Дядя Хэшань, — Чи Сяньчуань подошёл к нему с котом на руках, голос его, вернувшись к обычной ясности, спросил: — Маньтан уже встал?

Лю Хэшань остановился, поднял голову и, увидев Чи Сяньчуаня, тепло улыбнулся:

— Доброе утро, Сяньчуань. Вчера, кажется, лёг поздно, Маньтан ещё не вставал. — Он помолчал, будто вспомнив что-то, и добавил: — Кстати, когда я утром убирал в главном зале, то заметил в курильнице следы свежего пепла и воска. Судя по всему, кто-то ставил благовония глубокой ночью.

Услышав это, Чи Сяньчуань чуть заметно улыбнулся. Главный зал, о котором говорил Лю Хэшань, был посвящён Громовержцу Цзютянь Инъюань Лэйшэн Пухуа Тяньцзуню, верховному божеству грома в даосизме. Хотя храм Юэцзяньгуань был мал, устройство его было полным. Помимо главного зала, здесь было четыре боковых, расположенных по нисходящей: для Трёх Пречистых, бога богатства Чжао Гунмина, Чистого Предка Люй Дунбиня и духа-защитника Ван Лингуаня. Кто, кроме напуганного вчерашней «встречей с нечистью» Чжао Маньтана, мог пойти ставить благовония глубокой ночью?

— Ммм, — Чи Сяньчуань кивнул, в его тоне слышалась насмешка. — Маньтан вчера столкнулся с нечистью. Наверное, пошёл поставить палочку Предку, просить спокойствия для души.

— Столкнулся с нечистью?! — улыбка на лице Лю Хэшаня мгновенно исчезла, сменившись тревогой. — Как так? Разве он не был весь день в храме? С ним ничего не случится? — Он невольно посмотрел в сторону комнаты Чжао Маньтана.

Чи Сяньчуань беззаботно махнул рукой, другой быстро перебирая пальцы под широким рукавом, словно что-то вычисляя, после чего успокоился и сказал расслабленным тоном:

— Всё в порядке, всё в порядке, с этим парнем всё хорошо, просто пугливый, сам себя накрутил. — Он зевнул, показывая, что тема ему неинтересна, и спросил: — На кухне есть что поесть? Есть хочется.

Видя его такой беззаботный вид и вспомнив о способностях Чи Сяньчуаня, Лю Хэшань немного успокоился и кивнул:

— Есть. Шоуцзин закончил утреннюю службу и пошёл готовить завтрак. Сейчас, должно быть, уже готово. Иди скорее.

— Ладно. — Чи Сяньчуань небрежно махнул рукой и направился к кухне, прижимая к себе Сяо Бая.

Едва он подошёл к двери кухни, в нос ударил густой аромат. Это был запах лапши с подливкой из яиц и помидоров, смешанный с особенным запахом дыма от горящих дров. Храм Юэцзяньгуань находился в глухом месте, на кухне не было газовой плиты, использовали традиционную большую глиняную печь. Чи Сяньчуань вошёл. В топке ещё тлели угли, излучая слабый красный свет, добавляя и без того влажной и душной кухне ещё немного тепла. На столе уже стояли четыре миски с дымящейся лапшой. Ярко-красный томатный соус

обволакивал золотистые кусочки яйца, покрывая упругую лапшу — вид вызывал зверский аппетит. На одной из мисок сверху лежала ещё и большая, лоснящаяся от масла куриная ножка.

Эта «улучшенная» миска, само собой, была предназначена для Чи Сяньчуаня. С тех пор как он появился в Юэцзяньгуане, отвечающие за питание Чжан Шоуцзин и Лю Хэшань быстро поняли его «неспособность жить без мяса». Когда Чжао Маньтан только пришёл, он, глядя на куриную ножку в миске Чи Сяньчуаня, полушутя жаловался: «Я вот думаю, почему у нас в храме никак деньги на благовоения не накопятся? Оказывается, всё в твой живот уходит! Уж наверняка храм Юэцзяньгуань такой бедный, потому что его этот мясной монстр объедает!»

Молодой даос, Чжан Шоуцзин, вытирал тряпкой только что вымытый большой железный котёл. На вид ему было чуть за двадцать, лицо чистое, с книжным выражением.

— Шоуцзин, доброе утро. — Чи Сяньчуань поздоровался, прямо прошёл на своё постоянное место и сел, посадив Сяо Бая на соседнюю скамейку. Сяо Бай, понюхав воздух, казалось, не заинтересовался человеческой едой, облизнул лапу и тихо улёгся.

— Доброе утро, брат Сяньчуань. — отозвался Чжан Шоуцзин.

Чи Сяньчуань взял палочки и без стеснения принялся за лапшу с куриной ножкой. То, как он ел, составляло разительный контраст с его внешностью бессмертного небожителя — хотя это не было откровенно грубо, но об изяществе речи тоже не шло. Палочки мелькали, лапша быстро накручивалась и отправлялась в рот, издавая громкие чавкающие звуки. Он ловко избегал кусочков помидоров в миске, сосредоточившись исключительно на лапше и большой куриной ножке. Не прошло и десяти минут, как миска и ножка были уничтожены, словно ураганом. На дне остались только красные томаты и немного бульона.

Он, ничуть не смущаясь, вытер рот тыльной стороной ладони — движение было настолько естественным, будто иначе и быть не могло.

— Я ненадолго уйду, — сказал Чи Сяньчуань, ставя пустую миску, вошедшим было собраться завтракать Лю Хэшаню и Чжан Шоуцзину. — Если в храме появятся «особые» посетители, пусть Маньтан с ними разбирается.

Чжан Шоуцзин поднял голову:

— Уйти? Сегодня? — Он только взял палочки и с недоумением посмотрел на Чи Сяньчуаня. Он и Лю Хэшань были здесь ещё до того, как Чи Сяньчуань стал временным настоятелем, и проводили с этим молодым смотрителем почти каждый день. Они переглянулись, прочитав в глазах друг друга одно и то же недоумение. Чи Сяньчуань был в храме известен как «домосед». Если не было необходимости — например, спуститься в город за покупками или провести обряд, от которого храм никак не мог отказаться, — он предпочитал торчать в храме, греться на солнышке, читать книги, играть с котом или просто спать. Предложение выйти самому было большой редкостью. — Что с тобой сегодня? — не удержался от вопроса Чжан Шоуцзин. — И

откуда возьмутся «особые» посетители? — Он никак не мог представить, какие «особые» личности могут заявиться в этот глухой храм.

Чи Сяньчуань встал, широко потянулся, на лице появилась ленивая улыбка, но в глазах мелькнула едва уловимая глубина:

— Ничего особенного. В общем, в такое болото лучше не соваться. — Он замолчал, взглянул на затянутое туманом небо за окном, и его голос вдруг стал беззаботным. — Ах, какая сегодня отличная погода! — С этими словами, не дожидаясь их реакции, он, прижимая к себе Сяо Бая, неторопливо вышел из кухни.

Лю Хэшань и Чжан Шоуцзин переглянулись, оба сбитые с толку его бессвязными речами и поступками.

— Отличная погода? — Лю Хэшань подошёл к двери кухни, выглянул на улицу, где всё так же висел туман, было душно и влажно, затем обернулся к Чжан Шоуцзину с совершенно озадаченным видом. — Он это... белены объелся? Что за странности? Маньтан столкнулся с нечистью, а он погоду нахваливает?

Чжан Шоуцзин покачал головой, засунул в рот кусочек помидора и невнятно проговорил:

— Не знаю. Но... разве брат Сяньчуань не всегда был таким? Загадочным, странным... но каждый раз, когда он что-то говорил, в итоге всё сбывалось. — Он проглотил еду и добавил: — Дядя Хэшань, вы забыли? Когда он только пришёл, он с одного взгляда сказал, где завалялась ваша потерянная книга «Юньцзи Цицян».

Лю Хэшань наконец понимающе кивнул:

— Ммм, верно. Этот парень... он рождён для этого дела. — Он имел в виду почти сверхъестественный талант Чи Сяньчуаня к метафизике. Рождённый с «костью отшельника», невероятно понятливый, он всё схватывал на лету, особенно на пути Дао. Несмотря на молодость, он видел людей и события насквозь с пугающей ясностью. Лю Хэшань и Чжан Шоуцзин полностью признавали его способности, и хотя часто не поспевали за ходом его мыслей, они привыкли к этим «странностям».

Чи Сяньчуань вернулся в свою комнату, положил Сяо Бая, умылся и привёл себя в порядок. Он сменил спальную футболку на светло-голубой, сильно поношенный, выцветший от стирок спортивный костюм. На его худощавой, высокой фигуре, в сочетании с чересчур изящным лицом и чуть длинноватыми растрёпанными волосами, эта одежда всё равно смотрелась отстранённо, словно не касаясь мирской пыли, но эта потёртость придавала ему ещё больше нотки небрежной независимости.

Он подошёл к двери комнаты Чжао Маньтана и без стеснения постучал:

— Маньтан, ключи.

Изнутри слышалась возня и невнятное бормотание, через мгновение дверь приоткрылась, и Чжао Маньтан, с взлохмаченной головой и заспанными глазами, сунул ему связку ключей, пробормотав:

— Брат Чуань... так рано... будь осторожен в дороге... — и тут же захлопнул дверь.

Чи Сяньчуань, взяв ключи, прошёл на задний двор. Там стоял старенький электрический мопед, на котором Чжао Маньтан обычно ездил за покупками. Он привычно сел на него, вставил ключ, повернул ручку. Мопед тихо зажужжал и, покачиваясь, медленно выехал через задние ворота храма Юэцзяньгуань на скользкую каменную тропинку, трясаясь и подпрыгивая на спуске. Утренний лес окутывал туман, и его фигура быстро исчезла в серо-белой пелене.

Кабинет специальной следственной группы Управления уголовного розыска Муниципального управления общественной безопасности города Цзинши.

Фан Шуюй сидел за рабочим столом, вертя в руках уже заполненное «Заявление о переводе обратно в Управление города Цзянши». Дело об отмывании денег Ло Динкуня и дело о «Соловье» из семьи Чу были закончены, его командировка в Цзинши была успешно завершена. Обсудив всё прошлым вечером по телефону с сестрой Фан Шучжи и шурином Чу Чэньянем, он решил подать рапорт о возвращении в Цзянши и продолжить службу в должности начальника отдела уголовного розыска. Цзинши, хоть и большой город, но корни его были не здесь.

Он взял ручку, собираясь поставить подпись на заявлении.

— Тук-тук-тук.

Дверь кабинета постучали.

Фан Шуюй остановился, небрежно сунул заявление обратно в ящик стола и сказал низким голосом:

— Войдите.

Дверь открылась, вошёл его верный помощник У Фэн, переведённый вместе с ним из Цзянши. В руках У Фэн держал две папки: одну — с аккуратно подшитым итоговым отчётом, другую — обычную папку-скоросшиватель.

— Шеф, итоговый отчёт по делу «Соловья» я уже подготовил. Не хотите взглянуть? — У Фэн протянул отчёт Фан Шуюю.

Фан Шуюй взял его, быстро пролистал несколько страниц, убедился, что всё верно, и кивнул:

— Ладно, сразу отправляй начальству. — Его взгляд упал на папку в другой руке У Фэна. — А это что?

— А, это, — спохватился У Фэн и тоже протянул папку Фан Шуюю. — Раз уж мы собираемся возвращаться в Цзянши, но спецгруппа Ян Вань не расформировывается. Только что поступило заявление о довольно жестоком убийстве в районе горы Фэнлиншань. Я вот и подумал, отнести материалы дела их группе, пусть занимаются.

— Убийство? Да ещё жестокое? — брови Фан Шуюя тут же нахмурились. Как у опытного оперативника, у него был рефлекс на подобные слова. Он взял папку и открыл первую страницу.

Всего лишь бегло просмотрев предварительные показания заявителя и фото с места преступления, Фан Шуюй нахмурился ещё сильнее. Да разве это можно описать словом «жестокое»? Это было просто чудовищно! А место преступления — автобусная остановка у подножия горы Фэнлиншань... Это название мгновенно задело какую-то струну в его памяти. Он вдруг вспомнил, что загадочный старший товарищ его сестры Фан Шучжи, Чи Сяньчуань, кажется, живёт в храме Юэцзяньгуань на середине склона горы Фэнлиншань!

У Фэн, видя, что Фан Шуюй, уставившись в документы, становится всё серьезнее и молчит, не выдержал и спросил:

— Что, шеф? Нашли какие-то нестыковки?

Фан Шуюй не ответил прямо, а спросил:

— Как сейчас обстановка на месте? Охраняется?

— После звонка заявителя первыми прибыли местные участковые, оцепили место. Сохранность места, вроде, нормальная, не повреждена. — ответил У Фэн.

Фан Шуюй резко захлопнул папку и вскочил:

— Зови Ян Вань и Чу Тина! Пусть берут криминалистические чемоданы, выезжаем на место немедленно! Сообщи Юань Юань и Цзян Юню, пусть тоже срочно едут, готовят осмотр и фиксацию улик!

У Фэн опешил, но глаза его загорелись, в них читались возбуждение и неуверенность:

— Шеф? А как же... возвращение в Цзянши?

Фан Шуюй обхватил У Фэна за шею рукой, на лице появилась хулиганская ухмылка:

— Я смотрю, ты, парень, и не хочешь возвращаться? Когда на совещании говорили, что, возможно, уедем, твои глаза так и приклеились к Юань Юань, оторвать не могли!

У Фэн, поняв, что его тайна раскрыта, глуповато захихикал, почесал затылок:

— Так заметно?

— Ещё бы! — Фан Шуюй легонько толкнул его, с наигранным отвращением махнул рукой. — Давай, давай! Не вижу твоей физиономии! Передай всем: сбор внизу через десять минут!

— Есть! — бодро отозвался У Фэн, развернулся и быстро выбежал.

Фан Шуюй, глядя ему вслед, покачал головой, открыл ящик стола, взглянул на «Заявление о переводе обратно в Цзянши», вздохнул и задвинул его в самый дальний угол. Похоже, планам на возвращение в Цзянши пока не суждено сбыться. Гора Фэнлиншань, храм Юэцзяньгуань, Чи Сяньчуань... и это убийство, пронизанное странной аурой, — что-то незримое, казалось, удерживало его в Цзинши.

Вскоре Фан Шуюй вместе с У Фэном, Ян Вань, Лу Чутином, а также прибывшими позже техником Вэнь Юаньюань и экспертом-криминалистом Цзян Юнем на машине подъехали к подножию горы Фэнлиншань.

Место преступления находилось рядом с относительно безлюдной автобусной остановкой у подножия горы. Оцепление было выставлено, несколько участков поддерживали порядок, не подпуская любопытных прохожих. В воздухе висел густой, ни с чем не сравнимый запах крови, смешанный с запахом сырой земли после дождя, вызывая тошноту.

Внутри оцепления, в тени под рекламным щитом на остановке, лежало тело молодой женщины в неестественной позе. На ней было светло-платье, теперь насквозь пропитанное кровью и грязью, так что первоначальный цвет было не разобрать. Её глаза были широко раскрыты от ужаса, зрачки расширены, словно в последнюю минуту жизни она увидела нечто невероятно страшное. Лицо было залито тёмно-красной кровью, у рта запеклись кровавые следы и... зияла пустота.

Фан Шуюй подошёл ближе, присел на корточки. Даже привыкший к самым разным местам преступлений, он почувствовал, как на душе стало тяжело, брови сжались.

Возраст погибшей был небольшим, около двадцати двух-трёх лет. Смерть её была крайне беспокойной, мышцы лица искажены от запредельного ужаса. Опытный взгляд Фан Шуюя сразу определил — до смерти она пережила сильнейшее психическое потрясение. На теле были обширные ссадины и кровоподтёки, в основном на руках, коленях и спине — похоже, при

жизни она отчаянно сопротивлялась или убегала. Но самым ужасающим была её ротовая полость — весь язык был отрезан под корень. Срез был на удивление ровным, явно сделанный мгновенно чрезвычайно острым лезвием. Однако, по предварительному заключению судмедэксперта, это не было смертельным ранением. Настоящей причиной смерти стал перерезанный одним движением сонная артерия — движение было сделано чисто и решительно, без лишних пробных ранений, без следов колебаний. Кровь фонтаном забрызгала рекламный щит позади и землю, образовав большое тёмно-красное пятно в форме веера, которое резко выделялось на мокрой земле.

Странно, но, кроме этого тела и луж крови, всё место было пугающе чистым. Никаких явных следов борьбы, никаких отпечатков обуви преступника (большинство следов, должно быть, смыло дождём), никакого брошенного орудия убийства, даже мало было царапин, которые могли бы остаться при сопротивлении. Заявитель — пожилой мужчина, вышедший на утреннюю прогулку — кроме его собственных испуганных следов, на месте не было обнаружено никаких признаков присутствия второго человека. Словно жертва возникла тут из ниоткуда, а затем невидимая Смерть мгновенно забрала её жизнь и язык.

Хотя Ян Вань была опытным оперативником, при виде такого жуткого и странного места она не смогла сдержаться и закрыла рот рукой, сдерживая подступающую тошноту. Лу Чутин тоже выглядел мрачным, внимательно осматривая окрестности.

Фан Шуюй надел перчатки и бахилы, взял у подошедшего полицейского переданные данные — он знал, что погибшую зовут Ли Гоэр, 25 лет (родилась 1 января 2000 года), она была стримершей — перешагнул через оцепление и подошёл к судмедэксперту, который проводил предварительный осмотр тела. Эксперт был молодым парнем по имени Чжун Шу, сейчас его лицо тоже побледнело — видимо, его тоже поразила жуткая картина на месте.

— Доктор Чжун, какая картина? — низким голосом спросил Фан Шуюй.

Чжун Шу выпрямился, снял маску, глубоко вздохнул и только потом заговорил, в его голосе слышалась едва заметная дрожь:

— Капитан Фан. Смертельное ранение — на шее. Левая сонная артерия перерезана полностью. Разрез очень ровный, гладкий, глубина и угол чрезвычайно точные, практически один удар насмерть. Орудие... должно быть, очень тонкий, острый нож, возможно, скальпель или специальный ланцет. Обычным фруктовым ножом такого эффекта добиться трудно.

Он указал на рот погибшей:

— Язык отсутствует, отрезан при жизни. Срез такой же ровный, сделан единым движением у самого корня. Техника также профессиональная и чёткая. Учитывая ссадины на теле и предсмертное выражение ужаса, можно предположить, что перед смертью её насильно удерживали или преследовали, затем насильно отрезали язык, и только потом перерезали горло. Весь процесс... был очень быстрым. Техника преступника была чрезвычайно отточена, психика — чрезвычайно устойчива, можно даже сказать... хладнокровна.

Фан Шуюй почти всё время слушал, нахмурившись. Эта чистая, почти ритуальная жестокость заставила его почувствовать, как холодок пробежал по позвоночнику. Это совершенно не походило на обычное убийство из ревности или при ограблении.

— А следы на месте? — Фан Шуюй повернулся к хлопочущему эксперту-криминалисту Цзян Юню и технику Вэнь Юаньюань.

Цзян Юнь поднял голову, брови его были сведены в узел, в голосе звучало недоумение и тревога:

— Капитан Фан, очень странно. Кроме следов самой погибшей, следов её борьбы и следов пожилого заявителя, мы пока... не обнаружили никаких подозрительных отпечатков обуви, пальцев или других биологических следов. Преступник словно... словно призрак, не оставил после себя ничего своего. Дождь смыл часть следов, но не до такой же степени. И ещё, — он указал на раны на шее и в ротовой полости, — для такого точного разреза обычно требуется работа на близком расстоянии, возможно, даже фиксация головы жертвы. Но на шее, под челюстью погибшей, кроме крови, нет никаких следов удерживания, даже следов от пальцев, которые могли бы остаться при сопротивлении. Слишком чисто, неестественно чисто...

Вэнь Юаньюань добавил:

— Орудие не найдено. Распределение крови на месте соответствует характеру фонтанирования при разрыве сонной артерии, следов волочения или переноса тела нет. Предварительно можно считать, что это и есть место совершения преступления.

Сердце Фан Шуюя упало. Профессиональный, хладнокровный преступник с высокими навыками конспирации и, возможно, с какой-то особой целью. Он огляделся по сторонам. Кроме этой дороги, ведущей в гору, и автобусной остановки, рядом были только густой лес и виднеющийся вдали силуэт горы Фэнлиншань.

<http://bllate.org/book/18779/1822039>